

УДК 81
ББК 81

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЯЗЫКА: лингвистическая традиция изучения жаргонной лексики

Аль Саади Алла Шинан

Аннотация. В статье представлена лингвистическая традиция изучения жаргонной лексики, которая характеризуется неразличением средств разных жаргонных образований, а также неразличением собственно жаргонных и прочих языковых средств. Предложены объяснения таким понятиям, как: 1) просторечие — основная форма существования языка, проявляющая свою специфику на всех языковых уровнях и являющаяся основной коммуникативной подсистемой для своих носителей, используемой ими во всех ситуациях общения; 2) жаргон — второстепенная форма существования языка, проявляющая свою специфику прежде всего на лексическом уровне, являющаяся факультативной коммуникативной подсистемой для носителей жаргона, используемой ими лишь при внутригрупповом общении. Доказано, что подсистема жаргонной лексики имеет такие качества, как: локальность, социальная ограниченность, возрастная ограниченность.

Ключевые слова: лингвистическая традиция, жаргонная лексика, просторечие, жаргон, локальность, социальная ограниченность, возрастная ограниченность.

407

ISSUES OF SOCIAL STRUCTURE OF THE LANGUAGE: Linguistic Tradition of Slang Vocabulary Studying

Al Saadi Alla Shinan

Abstract. The article represents the linguistic tradition of the study of jargon vocabulary, which is characterized by the inseparability of the means of various jargon formations, as well as the inseparability of the actual jargon and other linguistic means. The explanations have been given to the following notions: 1) vernacular is the basic form of language existence, showing its specificity at all linguistic levels and being the main communicative subsystem for its carriers used by them in all communication situations; 2) jargon is a secondary form of existence of the language, which manifests its specificity primarily at the lexical level, which is an optional communicative

subsystem for the carriers of the jargon used by them only with intragroup communication. In addition, it has been proved that the subsystem of jargon has the following qualities as locality, social limitations age limitations.

Keywords: *linguistic tradition, jargon vocabulary, vernacular, jargon, locality, social limitations, age limitations.*

Основной тезис социолингвистики, изучающей варьирование национального языка в связи с социальной стратификацией, состоит в том, что «язык никогда не бывает абсолютно единым, так как наряду с факторами, способствующими формированию его единства, действуют факторы, создающие его неоднородность» [1, с. 452]. Можно выделить две основные группы этих факторов. Первая из них отражает специфику локального размещения разных групп населения, являющегося носителем данного языка (территориальная дифференциация языка). Вторая группа факторов связана с членением общества на более или менее обособленные социальные группы (страты), объединяющие людей по какому-либо общему социальному признаку (имущественному, профессиональному, уровню образования и т.д.). Социальное расслоение общества приводит к появлению языковых различий у представителей разных групп этого общества — социальной дифференциации языка. Как отмечает В. Елистратов, для языкового членения в социальном аспекте, «необходимы, пожалуй, лишь два социально-культурных фактора: наличие разделения труда на уровне осознанных цеховых (в более широком, чем средневековый, смысле) корпораций и наличие интеграционных процессов на основе товарообме-

на» [2, с. 598]. Поскольку язык и социальная структура общества являются взаимозависимыми компонентами одного социального целого [3, с. 222], отражение социальной структуры в языке является одной из наиболее отчетливых форм этой связи.

Теоретическое положение о внутренней расслоенности, неоднородности национального языка, позволяющее лингвистам рассматривать язык как совокупность дифференциальных форм или (в рамках системного подхода) как систему подсистем (макросистему, состоящую из микросистем), оказалось плодотворным для решения многих вопросов современного языкознания. Эти дифференциальные формы, вычленяемые на основе как лингвистических, так и экстралингвистических признаков, и принято называть формами существования языка.

Проблема форм существования языка в настоящий момент остается во многих аспектах дискуссионной. В лингвистической литературе пока нет единого общепринятого термина для этой категории: помимо «формы существования языка» используются также термины «экзистенциальная форма» [4], «подсистема языка» [5], «система-вариант», «квазисистема» [6], «социальный вариант языка» [1], «социальный компонент языка» [7] и т.д. Не решены вопросы о единых принципах выделения отдельных

форм существования языка, их соотношении и иерархии, конкретном содержании каждой формы в различные исторические периоды и т. д.

Как показывает практика, до недавнего времени изучение социальных диалектов вообще и молодежного жаргона в частности в отечественной лингвистике производилось фрагментарно. Существование в прошлом негласного табу на системное изучение разных типов социально ограниченной речи крайне негативно повлияло на степень исследованности данной проблемы в те годы и на формирование современных научных представлений о состоянии социальных диалектов русского языка в 30-80-е годы нашего столетия. В связи с этим особую ценность для современной социолингвистики, помимо общетеоретических работ по указанной проблематике [8–15 и др.], приобретают научные исследования тех лет, рассматривающие вопросы функционирования конкретных существовавших тогда жаргонных подсистем, содержащие соответствующий фактический материал и т. п. [16–19; 5; и др.].

В связи с интересом лингвистов к сфере некодифицированного русского языка, в настоящее время прослеживается множество публикаций, которые посвящены различным социальным разновидностям речи, в том числе — *молодежному жаргону* [20–22; 5; 23–24 и др.], вышли словари разных жаргонов и аргос, в той или иной степени отражающие и лексику молодежного жаргона [25; 14; 26; 27 и др.]. Однако многие работы в данной области характеризуются фрагментарностью, отсутствием системного подхода при анализе

жаргонных явлений, ошибочностью в трактовке тех или иных жаргонных фактов, вызванной ограниченностью исходного фактического материала или недостаточно адекватным владением им. Поэтому на сегодня актуальными остаются некоторые наиболее типичные проблемы, возникающие при исследовании жаргонов.

Цель данной статьи — представить лингвистическую традицию изучения жаргонной лексики как одного из элементов социального членения языка.

Одной из наиболее серьезных проблем, проявляющих себя в современной лингвистической литературе по вопросам социального членения языка, является неразличение средств разных жаргонных образований (механическое объединение единиц разных жаргонов и аргос), а также неразличение собственно жаргонных и прочих (имеющих нежаргонный характер) языковых средств. На практике это проявляется во включении в жаргонные словари очевидно инородных лексико-фразеологических средств (ср., например, разговорные, сниженно-разговорные и сленговые единицы типа «*тахать*» (работать), «*лоб*» (сильный человек), «*пацан*», «*оголец*» (мальчишка, подросток), «*разоряться*» (кричать, скандалить), «*сыграть в ящик*» (умереть) и т. д. и даже украинский фразеологизм «*съехать с глузду*» (сойти с ума), фигурирующие в качестве единиц воровского аргос (!) в соответствующем словаре [см.: 28].

В определенных случаях разграничение жаргонной и сленговой лексики действительно является трудной задачей. Однако этот факт не

может служить основанием для механического включения в сленг, к примеру, лексики корпоративных жаргонов. Приобретение групповыми жаргонизмами сленгового характера связано со значительным расширением состава носителей данной лексики, чего порой не учитывают некоторые авторы. Так, например, в словаре «Русский жаргон 60-90-х годов» [27], само название которого предполагает, по всей видимости, включение в него прежде всего сленговых единиц, без каких-либо лексикографических помет приводятся жаргонизмы «*аскать*» (1. спрашивать, задавать вопросы; 2. выпрашивать деньги или вещи), «*аскатель*» (тот, кто постоянно просит что-нибудь у знакомых, попрошайничает), распространенные преимущественно в среде хиппи и близких к ним кругов молодежи, и определенно не являющиеся сленговыми. С другой стороны, отражение в данном словаре (с соответствующими пометами) единиц корпоративных жаргонов (например, наркоманского, технического, подросткового) наводит на мысль о простом «суммировании» лексики разных жаргонов (возникших в разное время, различных по своему социальному субстрату и т.д.) и последующей квалификации получившегося конгломерата единиц в качестве некоего «русского жаргона», характерного для 60–90-х годов прошлого века.

Сказанное выше можно отнести и к «Словарю московского арго» [29], в котором, так сказать, «на равных» приводятся, к примеру, близкие к сленговым единицы «*кимать*», «*кимарить*» (спать; с пометой «из уг.») и узкокорпоративная лексема «*охлаж-*

дёнка» (мороженое мясо, облитое водой для увеличения веса; с пометой «из арго мясников»). Очевидно, что в первом случае действительно можно говорить о выходе единиц «*кимать / кимарить*» за пределы уголовного арго, в то время как жаргонизм «*охлаждёнка*» вряд ли понимаем и употребляем кем-либо, кроме мясников.

Вторым, более важным аспектом данной проблемы представляется теоретическое неразличение единиц разных (жаргонных и нежаргонных) подсистем, в частности — отождествление жаргонной и просторечной лексики (точнее, трактовка жаргонизмов в качестве элементов просторечия). Данная мысль высказывается многими исследователями [30, с. 51; 31, с. 127; 5, с. 64, 112 и др.], однако представляется далеко не бесспорной. *Жаргон* и *просторечие* — это две разные формы существования языка. Если *просторечие* — основная форма существования языка, проявляющая свою специфику на всех языковых уровнях и являющаяся основной коммуникативной подсистемой для своих носителей, используемой ими во всех ситуациях общения, то *жаргон* (любой, вне зависимости от характера «специализированности» — возрастной, групповой, профессиональный) — второстепенная форма существования языка, проявляющая свою специфику прежде всего на лексическом уровне (и в значительно меньшей степени — на других языковых уровнях), являющаяся факультативной коммуникативной подсистемой для носителей жаргона (при обязательном наличии основной), используемой ими лишь при внутригрупповом общении. Считать жаргонизмы им-

манентными просторечию нет никаких оснований. То, что жаргонизмы присутствуют в речи носителей просторечия, говорит лишь о том, что эти носители просторечия являются одновременно и носителями жаргона. Разумеется, не все носители просторечия являются носителями жаргона, и не все носители жаргона являются носителями просторечия. Именно этим и объясняется то, что «в речи носителей просторечия старшего поколения [...] большая часть жаргонных слов не употребляется», в то время как «такие носители жаргона, как студенты, различные представители интеллигенции не употребляют многие и сейчас активные в просторечии слова» [32, с. 51-52].

Неожиданную интерпретацию получают порой и факты перехода молодежных жаргонизмов в разряд сленговых единиц. Употребление некоторой части молодежной жаргонной лексики представителями среднего и отчасти старшего поколений (т.е., фактически, расширение социального субстрата данных единиц за счет иных социальных (возрастных) групп) приводит О. Ермакову к весьма спорному выводу о том, что «за последние десятилетия этот вид субстандарта заметно «постарел», и «термин «молодежный жаргон» в настоящее время не вполне соответствует обозначаемому феномену» [32, с. 49]. В действительности указанные факты говорят не о «постарении» молодежного жаргона, а об изменении качества некоторых его единиц: приобретаю сленговый характер, они перестали быть собственно молодежными (т.е. понимаемыми и употребляемыми лишь молодыми людьми). Однако, поскольку они

продолжают активно употребляться представителями молодого поколения, данные единицы, как представляется, можно трактовать как сленговые единицы, выступающие в функции молодежных жаргонных единиц (т.е. функционально молодежные жаргонизмы).

Характеризуя жаргонную лексику, реализуемую в пределах относительно обособленного коллектива жаргонизирующих (т.е. групповой жаргон), исследователи Л. Гусева и Я. Манион отмечают такие качества данной подсистемы, как *локальность* (ограниченность территориальной распространенности ее единиц), *социальная ограниченность* (все носители обладают некоторыми общими социальными признаками, отражающимися и на специфике жаргона), *возрастная ограниченность* (реализация единиц данного жаргона только в речи молодых людей). На основании выделенных признаков авторы предлагают свое наименование данной подсистемы — «локальный социально-возрастной жаргон» [33].

По нашему мнению, предлагаемый выше термин представляет собой образец «социолингвистического плеоназма», поскольку любая жаргонная подсистема характеризуется такими качествами, как локальность, социальная или возрастная ограниченность. Отсутствие у какой-либо рассматриваемой подсистемы всех перечисленных признаков означает невозможность применения к ней термина «жаргон».

Как уже говорилось выше, значительная часть ошибочных трактовок и неверных выводов при анализе тех или иных явлений жаргонного характера вызвана тем, что исследова-

тели не в достаточной степени владеют жаргонным материалом. Как правило, подобное невладение обуславливается тем, что авторы, не являясь носителями изучаемого жаргона, не могут анализировать его «изнутри», остаются «посторонними наблюдателями» и по отношению к жаргону, и к сфере его использования, и к коллективу говорящих на нем. Отсюда — неверная трактовка семантики жаргонизмов, их этимологии, сочетаемости и т.д. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

В предисловии к словарю уголовного аргю «Язык из мрака» [28] его автор-составитель М. Грачев, характеризуя жаргонную лексику неформальных молодежных объединений, приводит следующие примеры: из жаргона металлистов — «*деревяшка*» (инструмент, сделанный из дерева), «*железо*» (тарелки на ударной установке), «*клавишник*» (музыкант, играющий на клавишных инструментах); из жаргона панков — «*шрокес*» (хохолок на голове у панка), «*ёжик*», «*тёрьшики*», «*колючки*» (виды причесок у панков). На самом деле жаргонизмы, приводимые автором в качестве «металлистских», входят в ядро жаргона музыкантов и меломанов и употребляются отнюдь не только металлистами (а жаргонизм «*клавишник*» для металлистов актуален в наименьшей степени, поскольку большинство «металлических» рок-групп не имеют клавишников в своем составе). В значении жаргонизма «*деревяшка*» не выявлены существенные дифференциальные семы: «*деревяшками*» (или «*досками*») именуются не все музыкальные инструменты, сделанные из дерева, а только электрогитары; при-

чем не любые электрогитары, а только имеющие цельнодеревянный корпус (в отличие от полуакустических электрогитар, имеющих полый корпус, но, кстати, изготовленных тоже из дерева.

Ср. диалог:

— Я себе электруху (=электрогитару) купил.

— Доска?

— Нет, полуакустика.

Что касается жаргонизмов, приведенных в качестве панковских, то среди них верно указан лишь один — «*шрокес*». Панковская прическа в виде торчащих во все стороны сплешихся прядей волос называется «*дестрой*» (а не «*ёжик*» или «*колючки*»). Лексема же «*тёрьшики*» (частично высветленные — только на концах — пряди волос) является скорее профессиональным парикмахерским жаргонизмом, чем панковским (подобная прическа была популярна среди широких слоев молодежи и даже представителей среднего возраста, для панков же она не характерна).

В самом словаре автором приводится в качестве уголовных аргютизмов множество единиц из жаргона наркоманов, причем семантика большинства из них значительно искажена: «*травя*», «*травка*», «*план*» — гашиш (в действительности все три жаргонизма имеют значение «марихуана»); «*дурь*» — гашиш (в действительности — любой наркотик); «*джефф*», «*ширево*» — морфий (в действительности: «*джефф*» — эфедрин, «*ширево*» — любой наркотик для инъекций); «*калики*» — наркотики, которые вводятся в организм путем укола (в действительности: «*калики*» — таблетки, содержащие наркотические препараты; морфоно-

логическая деформация жаргонизма «колёса»).

Неверно указаны значения некоторых наркоманских жаргонизмов и в словаре «Русский жаргон 60–90-х годов» [27], например, «мулька» — маковая соломка, прокипяченная с ацетоном (в действительности: «мулька / муля» — самодельный наркотик на основе эфедрина; отвар же маковой соломки представляет собой раствор опиума и именуется, соответственно, «чёрный», «чернуха», «кокнар» и т.д.). В этом же словаре приводится лексема «шаровой» (наркоман, употребляющий наркотики посредством инъекций). На самом деле указанная лексема имеет вид «шировой» (в том же значении), поскольку восходит к жаргонизмам «ширяться» (вводить наркотики внутривенно), «ширево» (любой наркотик для инъекций), а не к слову «шар».

Неверный этимологический анализ жаргонизмов также характерен для некоторых исследований. Так, например, В. Елистратов, приводя в своем «Словаре московского аргю» [29] оборот «*весь этот джаз*» (в значении «разная ерунда»), считает его пришедшим из жаргона металлистов. В действительности же данное сочетание восходит к американскому сленгу, где «*all that jazz*» (буквально: «весь этот джаз») имеет значение «и всё такое прочее». В жаргоне металлистов выражение «*весь этот джаз*» никогда не присутствовало. Другой исследователь, М. Копыленко, в своей статье «О семантической природе молодежного жаргона» о семантических особенностях жаргонных единиц [17] объясняет происхождение жаргонизма «*кипеж*» (у М. Копыленко — «*кипеш*»; жаргонизм имеет зна-

чение «бурное проявление негативных эмоций») от глагола «*кипешиться*», который, в свою очередь, представляет собой контаминацию разговорных единиц «*кипятиться*» (волноваться) и «*копошиться*» (суетиться), причем «контаминация семем отражается в контаминации лексем» [там же, с. 84]. На самом же деле образование данных жаргонизмов имело совсем иной вид: глагол «*кипешиться*» (браниться, скандалить, бурно проявлять негативные эмоции) произошел от существительного «*кипеж / хипеж*» (ругань, перебранка, скандал, бурное проявление эмоций), восходящего (через «промежуточное звено» — уголовный арготизм «*хипес*» — ограбление с помощью красивой женщины, проститутки) к лексеме иврита «*хипа*» — особый элемент древнееврейского свадебного обряда (подробный этимологический анализ данных жаргонных единиц см. в главе «Источники жаргонной лексики»).

Отдельно следует сказать о неточностях в этимологии жаргонизмов иноязычного происхождения. Е. Борисова-Лукашенец, исследовавшая англоязычные заимствования в молодежном жаргоне 60-70-х годов [16], моделирует процесс возникновения подобных жаргонизмов следующим образом: «от русского слова [...] к его английскому переводу и далее к русифицированной форме английской лексемы: *девушка* — *girl* — *герла*, *ботинки* — *shoes* — *шузы* и т.п. Специфика процесса заимствования в жаргоне проявляется именно в наличии первого этапа — от русского слова к английскому переводу» [16, с. 106]. Уязвимым моментом данной схемы является то, что из 112 жаргонизмов-

иллюстраций, приводимых автором в статье, 18 единиц (примерно 17%) не соответствуют описанной модели (т.е. английские лексемы не являются переводами соответствующих русских слов), например: «*смок*» — сигареты (англ. «smoke» — дым; «сигареть» по-английски — «cigarettes»); «*прайз-увий*» — дорогостоящий (англ. «price» — цена; «дорогостоящий» по-английски — «expensive»); «*хитовый*» — популярный (англ. «hit» — точное попадание в цель, большой успех; «популярный» по-английски — «popular»); «*маз-дать*» — бить (англ. «must die» — должен умереть; «Jesus must die!» — популярная строчка из рок-оперы «Jesus Christ — Superstar»; «бить» по-английски — «beat», «thrash»); «*хун*» — модно одетый молодой человек (англ. «hippie» — хиппи, представитель молодежного движения 60-х годов, выражавший свой протест против ценностей буржуазной морали нарочито небрежным, неопрятным внешним видом; «модно одетый человек, щеголь» по-английски — «dandy») и т.д.

414

Вышеприведенные примеры недвусмысленно указывают на определенные изменения семантики слов, происходящие при образовании перечисленных и им подобных жаргонизмов, однако авторы этот момент никак не комментируют. Среди грубых неточностей экстралингвистического характера обращает на себя внимание трактовка рок-музыки в качестве одного из стилей джаза (на самом деле рок — это отдельное музыкальное направление), квалификация Великобритании как центра зарождения рок-музыки (в действительности местом зарождения рок-музыки являются США), а также написание слова «битл» (участник

группы «Beatles») через два «т»: «*битл*» (что особенно примечательно, учитывая тот факт, что автор специализируется на англоязычных заимствованиях и, в принципе, должен хорошо владеть английским языком). Отрицательный эффект погрешностей подобного рода состоит, прежде всего, в том, что они подрывают авторитет исследователя, снижают доверие читателя к фактам, изложенным в работе, к выводам автора в целом.

Зачастую невладение в полной мере жаргонным материалом, недостаточное количество фактического материала может существенно повлиять на научную достоверность выводов при исследовании того или иного вопроса. Так, например, О. Ермакова делает следующие выводы на основе имеющегося в ее распоряжении фактического материала: «в русском жаргоне, по нашим наблюдениям, диалектизм нет»; «ожаргонивания разговорных слов не происходит»; «за последние десятилетия состав тематических групп жаргона не изменился» [32, с. 50, 51, 56]; «в жаргонах, в отличие от литературного языка, существует склонность к сокращению синонимического ряда» [30, с. 132]. Согласно нашим данным, в современном молодежном жаргоне присутствуют и жаргонизмы, восходящие к диалектизмам, и жаргонизмы, образованные от разговорных лексических единиц. Синонимия в жаргоне, по нашим наблюдениям, развита гораздо сильнее, чем в литературном языке. Что же касается изменений в области предметно-понятийного содержания молодежного жаргона за последние 10-20 лет, то достаточно указать на факт появле-

ния (в середине 80-х годов) и последующего распространения такого социокультурного явления, как неформальные молодежные объединения (хиппи, панки, металлисты, митьки, рокабилы, байкеры, гранджеры и т.д.), каждое из которых, номинируя актуальные для себя реалии (некоторые из них ранее просто не существовали), привносит свой «вклад» в состав и количество имеющихся в молодежном жаргоне тематических групп.

Подводя итог, можем констатировать, что лингвистическая традиция изучения жаргонной лексики характеризуется неразличением средств разных жаргонных образований (механическое объединение единиц разных жаргонов и арго), а также неразличение собственно жаргонных и прочих (имеющих нежаргонный характер) языковых средств: если *просторечие* — основная форма существования языка, проявляющая свою специфику на всех языковых уровнях и являющаяся основной коммуникативной подсистемой для своих носителей, используемой ими во всех ситуациях общения, то *жаргон* (любой, вне зависимости от характера «специализированности» — возрастной, групповой, профессиональный) — второстепенная форма существования языка, проявляющая свою специфику прежде всего на лексическом уровне (и в значительно меньшей степени — на других языковых уровнях), являющаяся факультативной коммуникативной подсистемой для носителей жаргона (при обязательном наличии основной), используемой ими лишь при внутригрупповом общении. При этом жаргонизмы присутствуют в речи носителей просторе-

чия, говорит лишь о том, что эти носители просторечия являются одновременно и носителями жаргона. Разумеется, не все носители просторечия являются носителями жаргона, и не все носители жаргона являются носителями просторечия. Кроме этого, необходимо отметить такие качества данной подсистемы, как *локальность* (ограниченность территориальной распространенности ее единиц), *социальная ограниченность* (все носители обладают некоторыми общими социальными признаками, отражающимися и на специфике жаргона), *возрастная ограниченность*.

СПИСОК

ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / под ред. Б.А. Серебrenникова. — М.: «Наука», 1970. — 604 с.
2. *Елистратов, В.С.* Словарь московского арго [Текст] / В.С. Елистратов — М.: «Русские словари», 1994. — 699 с.
3. *Яхнов, Х.* Развитие и проблемы социолингвистики в ФРГ [Текст] / Х. Яхнов // Социально-лингвистические исследования. — М.: «Наука», 1976. — С. 218-223.
4. *Туманян, Э.Г.* Язык как система социолингвистических систем. [Текст] / Э.Г. Туманян — М.: «Наука», 1985. — 247 с.
5. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. [Текст] / Л.П. Крысин — М.: «Наука», 1989. — 186 с.
6. *Введенская, Л.А., Червинский П.П.* Русский язык. Введение. Т. 4. Язык: варианты и формы существования. Т. 5. Язык литературный: закономерности формирования и развития. Т. 6. Норма: ее динамика и развитие. [Текст] / Л.А. Введенская, П.П. Червинский — Ростов-на-Дону, издательство Ростовского университета, 1993. — 77 с.
7. *Баранникова, Л.И.* К проблеме социальной и структурной изменчивости диалек-

- та [Текст] / Л.И. Баранникова // Вопросы социальной лингвистики. Л.: «Наука», 1969. — С. 314-343.
8. *Комлев, Н.Г.* Лингвистическая аксиология (постановка проблемы) [Текст] / Н.Г. Комлев // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: «Наука», 1981. — С. 90-110.
  9. *Коротких, Ю.Г.* Словарное иллюстрирование и языковая вариативность [Текст] / Ю.Г. Коротких // Лексика и лексикография. — М., 1994. — С. 55-59.
  10. *Рождественский, Ю.В.* Современная общественно-языковая практика и теория языка [Текст] / Ю.В. Рождественский // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М., «Наука», 1981. — С. 33-45.
  11. *Слюсарева, Н.А.* Проблемы социальной природы языка в трудах французских лингвистов [Текст] / Н.А. Слюсарева // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: «Наука», 1981. — С. 56-72.
  12. *Степанов, Г.В.* Социально-географическая дифференциация испанского языка Америки на уровне национальных вариантов [Текст] / Г.В. Степанов // Вопросы социальной лингвистики. — Л.: «Наука», 1969. — С. 284-308.
  13. *Холмогоров, А.И.* Научное управление языковой жизнью народов СССР [Текст] / А.И. Холмогоров // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: «Наука», 1981. — С. 110-131.
  14. *Швейцер, А.Д.* К разработке понятийного аппарата социолингвистики [Текст] / А.Д. Швейцер // Социально-лингвистические исследования. — М.: «Наука», 1976. — С. 31-41.
  15. *Эрвин-Трипп, С.* Социолингвистика в США [Текст] / С. Эрвин-Трипп // Социально-лингвистические исследования. — М.: «Наука», 1976. — С. 181-199.
  16. *Борисова-Лукашениц, Е.Г.* О лексике современного молодежного жаргона (англоязычные заимствования в студенческом сленге 60-70-х годов) [Текст] / Е.Г. Борисова-Лукашениц // Литературная норма в лексике и фразеологии. М.: «Наука», 1983. — С. 104-120.
  17. *Копыленко, М.М.* О семантической природе молодежного жаргона [Текст] / М.М. Копыленко // Социально-лингвистические исследования. — М.: «Наука», 1976. — С. 79-86.
  18. *Скворцов, Л.И.* Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика) [Текст] / Л.И. Скворцов // Вопросы культуры речи. — М., 1964. — Вып. 5. — С. 45-70.
  19. *Чуковский, К. И.* Живой как жизнь [Текст] / К.И. Чуковский — М.: «Молодая гвардия», 1962. — 176 с.
  20. *Беликова, Н.Н.* Функционирование некодифицированной лексики в тексте: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. [Текст] / Н.Н. Беликова — СПб., 1992. — 19 с.
  21. *Земская, Е.А., Розина, Р.И.* О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей [Текст] / Е.А. Земская, Р.И. Розина // Русистика (Берлин). — 1994. — № 1-2. — С. 96-112.
  22. *Золотоносов, М.* Круглый кайф [Текст] / М. Золотоносов // Московские новости. — № 14, 4 апреля 1993. — С. 5.
  23. *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. [Текст] / В.П. Белянин, И.А. Бутенко — М.: Изд-во ПАИМС, 1994. — 183 с.
  24. *Рожанский, Ф.И.* Сленг хиппи. Опыт словаря. [Текст] / Ф.И. Рожанский — СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1992. — 63 с.
  25. «Врубись, какой приколы!». Русский молодежный жаргон / сост. А. Попов. — М., 1995. — 27 с.
  26. Словарь молодежного жаргона / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж: «Логос», 1992. — 114 с.
  27. *Юганов, И., Юганова, Ф.* Русский жаргон 60-90-х годов [Текст] / И. Юганов, Ф. Юганов / под ред. А.Н. Баранова. — М., 1994. — 318 с.
  28. *Грачев М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня [Текст] / М.А. Грачев — Нижний Новгород, 1992. — 202 с.
  29. *Елистратов, В.С.* Словарь московского арго [Текст] / В.С. Елистратов — М.: «Русские словари», 1994. — 699 с.

30. Ермакова, О.П. Номинации в просторечии [Текст] / О.П. Ермакова // Городское просторечие. Проблемы изучения. — М.: «Наука», 1984. — С. 130-140.
31. Капанадзе, Л.А. Современная просторечная лексика (московское просторечие) [Текст] / Л.А. Капанадзе // Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: «Наука», 1984. — С. 125-129.
32. Ермакова, О. Современный молодежный жаргон и его место среди других некодифицированных систем русского языка [Текст] / О. Ермакова // Sprachlicher Standard und Substandard in Sudosteuropa und Osteuropa. (Hg.N. Reiter, U. Hinrichs, J. van Leeuwen-Turnovcova). — Wiesbaden, 1994. — С. 49-64.
33. Гусева, Л.Г., Манион, Я.Г. Локальный социально-возрастной жаргон [Текст] / Л.Г. Гусева, Я.Г. Манион // Живая речь уральского города. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 96-104.
8. Ermakova O.P., “Nominacii v prostorečii”, in: *Gorodskoe prostorečie. Problemy izučenija*, Moscow, “Nauka”, 1984, pp. 130-140. (in Russian)
9. Elistratov V.S., *Slovar moskovskogo argo*, Moscow, Russkie slovari, 1994, 699 p. (in Russian)
10. Ermakova O., “Sovremennyj molodežnyj žargon i ego mesto sredi drugih nekodificirovannyh sistem russkogo jazyka”, in: *Sprachlicher Standard und Substandard in Sudosteuropa und Osteuropa* (Hg. N.Reiter, U.Hinrichs, J. van Leeuwen-Turnovcova), Wiesbaden, 1994, pp. 49-64. (in Russian)
11. Ārvin-Tripp S., *Sociolingvistika v SŠA*, Socialno-lingvističeskie issledovanija, Moscow, Nauka, 1976, pp. 181-199. (in Russian)
12. Gračev M.A., *Jazyk iz mraka*. Blatnaja muzyka i fenja, Nižnij Novgorod, 1992, 202 p. (in Russian)
13. Guseva L.G., Manion Ja.G. *Lokalnyj socialno-vozrastnoj žargon*, Živaja reč uralskogo goroda, Sverdlovsk, Izd-vo UrGU, 1988, pp. 96-104. (in Russian)
14. Holmogorov A.I., “Naučnoe upravlenie jazykovoj žiznju narodov SSSR”, in: *Teoretičeskie problemy socialnoj lingvistiki*, Moscow, Nauka, 1981, pp. 110-131. (in Russian)
15. Jahnov H., “Razvitie i problemy sociolingvistiki v FRG”, in: *Socialno-lingvističeskie issledovanija*, Moscow, “Nauka”, 1976, pp. 218-223. (in Russian)
16. Juganov I., Juganova F., *Russkij žargon 60-90-h godov*, ed. A.N. Baranova, Moscow, 1994, 318 p. (in Russian)
17. Kapanadze L.A., “Sovremennaja prostorečnaja leksika (moskovskoe prostorečie)”, in: *Gorodskoe prostorečie. Problemy izučenija*, Moscow, “Nauka”, 1984, pp. 125-129. (in Russian)
18. Komlev N.G., “Lingvističeskaja aksiologija (postanovka problemy)”, in: *Teoretičeskie problemy socialnoj lingvistiki*, Moscow, “Nauka”, 1981, pp. 90-110.
19. Kopylenko M.M., *O semantičeskoj prirode molodežnogo žargona*, Socialno-lingvističeskie issledovanija, Moscow, “Nauka”, 1976, pp. 79-86.
20. Korotkih Ju.G., “Slovarnoe illjustrirovanie i jazykovaja variativnost’”, in: *Leksika i lek-*

REFERENCES

- sikografija*, Moscow, 1994, pp. 55-59. (in Russian)
21. Krysin L.P., *Sociolingvističeskie aspekty izučeniya sovremennogo russkogo jazyka*, Moscow, "Nauka", 1989, 186 p.
  22. *Obščee jazykoznanie. Formy suščestvovaniya, funkcii, istoriya jazyka*, ed. B.A. Serebrennikova, Moscow, "Nauka", 1970, 604 p. (in Russian)
  23. Rožanskij F.I., *Sleng hippi. Opyt slovarja*, Saint-Petersburg, Izd-vo Evropejskogo Doma, 1992, 63 p. (in Russian)
  24. Rožděstvenskij Ju.V., "Sovremennaja obščestvenno-jazykovaja praktika i teorija jazyka", in: *Teoretičeskie problemy socialnoj lingvistiky*, Moscow, "Nauka", 1981, pp. 33-45. (in Russian)
  25. Skvorcov L.I. Ob ocenkah jazyka molodeži (žargon i jazykovaja politika), *Voprosy kulturny reči*, Moscow, 1964, No. 5, pp. 45-70. (in Russian)
  26. Sljusareva N.A., "Problemy socialnoj prirody jazyka v trudah francuzskih lingvistov", in: *Teoretičeskie problemy socialnoj lingvistiky*, Moscow, "Nauka", 1981, pp. 56-72. (in Russian)
  27. *Slovar molodežnogo žargona*, pod red. I.A. Sternina, Voronež: Logos, 1992, 114 p.
  28. Stepanov G.V., "Socialno-geografičeskaja differenciacija ispanskogo jazyka Ameriki na urovne nacionalnyh variantov", in: *Voprosy socialnoj lingvistiky*, Leningrad, Nauka, 1969, pp. 284-308.
  29. Švejcer A.D., "K razrabotke ponjatijnogo apparata sociolingvistiky", in: *Socialno-lingvističeskie issledovanija*, Moscow, "Nauka", 1976, pp. 31-41. (in Russian)
  30. Tumanjan È.G., *Jazyk kak sistema sociolingvističeskikh sistem*, Moscow, "Nauka", 1985, 247 p. (in Russian)
  31. Vvedenskaja L.A., Červinskij P.P., *Russkij jazyk. Vvedenie. T. 4. Jazyk: varianty i formy suščestvovaniya. T. 5. Jazyk literaturnyj: zakonovernosti formirovanija i razvitija. T. 6. Norma: ee dinamika i razvitie*, Rostov-na-Donu, izdatelstvo Rostovskogo universiteta, 1993, 77 p.
  32. Zemskaja E.A., Rozina R.I., O slovare sovremennogo russkogo žargona. Principy sostavlennija i obrazcy slovarnyh statej, *Russistika* (Berlin), 1994, No. 1-2, pp. 96-112. (in Russian)
  33. Zolotonosov M., Kruglyj kajf, *Moskovskie novosti*, No. 14, 4 aprilja 1993, p. 5 (in Russian)

Аль Саади Алла Шинан, преподаватель, кафедра русского языка, Багдадский университет, rose241985@yahoo.com

418 Al Saadi Alla Shinan, Lecturer, Russian Language Department, University of Baghdad, rose241985@yahoo.com